

М.Н.Мосейкина

«Оборонцы» и «пораженцы»: проблема нравственного выбора русской эмиграции в Латинской Америке в годы Второй мировой войны

В центре внимания автора — отношение русского эмигрантского сообщества в странах Латинской Америки к назревавшему мировому конфликту, обусловившее поддержку одной из сторон во Второй мировой войне. В статье анализируется проблема нравственного выбора, которая в связи с агрессией гитлеровской Германии против СССР встала перед эмиграцией и разделила ее на «оборонцев» и «пораженцев». Цель автора — показать, что подобное размежевание не всегда совпадало со старым, традиционным для эмигрантов идеологическим расколом на политические группы и движения. Важное место в работе отведено анализу обозначившейся в годы войны тенденции поиска диалога «диаспоры» и «Родины».

Ключевые слова: фашизм, патриотизм, антикоммунизм, Вторая мировая война, внутриэмигрантский раскол.

Вторая мировая война и нападение гитлеровской Германии на СССР особенно поставили перед российской эмиграцией проблему нравственного выбора. Практически все эмигранты первой послереволюционной волны считали себя патриотами, но при этом у каждого было свое понимание патриотизма, которое базировалось на таких понятиях, как «Родина», «историческая память», «долг перед Отечеством». Значительная часть белой эмиграции не желала иметь ничего общего ни с новой страной под названием СССР, ни с установившимся в ней советским строем, а в связи с этим и с социалистическим левым движением в странах, куда она была заброшена судьбой и где, как, например, в Латинской Америке, к тому времени

Марина Николаевна Мосейкина — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (marina_moseikina@mail.ru).

сложилось революционное (просоветское) крыло трудовой эмиграции. И именно та часть эмиграции, с самого начала стоявшая на антикоммунистических позициях, которая составила лагерь так называемых «пораженцев» — сторонников свержения существующего в СССР политического режима — любой ценой и любыми силами, включая внешние. Им противостояли «оборонцы», позиция которых заключалась в поддержке стран в борьбе с внешним врагом вне зависимости от того, кто в тот момент находился у власти в Москве. В их числе наряду с представителями трудовой эмиграции оказались представители независимых эмигрантских изданий и даже антикоммунистического лагеря.

В среде русского зарубежья латиноамериканских стран, где к тому времени проживала значительная часть дореволюционной трудовой эмиграции, открыто симпатизировавшей СССР, размежевание обозначилось в 1920-е годы после прибытия на континент представителей белого движения и появления в Бразилии, Аргентине, Уругвае, Парагвае, Чили, Коста-Рике сторонников монархических идей, поддерживавших связи с Русским общевоинским союзом (РОВС), Высшим монархическим советом (ВМС) и лично с Великим князем Николаем Николаевичем. В результате спектр политических интересов эмиграции значительно расширился, а политическая жизнь в русской колонии стала заметно контрастнее, хотя из-за удаленности от России она всегда была менее активна по сравнению с основными центрами рассеяния русских. Здесь действовали в основном филиалы и отделения основных политических организаций русского зарубежья — Южноамериканский отдел РОВС, Союз младороссов в Южной Америке, свои отделения в этих странах имел Российский имперский союз-орден (РИСО), созданный как боевая единица ВМС¹. Здесь были также представлены послереволюционные течения Русского зарубежья, в частности, русский фашизм. Отец Константин Изразцов, протопресвитер Русской православной церкви в Южной Америке, определял его как патриотическое движение и выражал надежду на то, что он «объединит русских людей в изгнании и совершит великое дело освобождения Родины от коммунистического интернационала»². Объявляя себя национал-патриотами, борцами за великую Россию, «русские фашисты» за рубежом пытались стать некой «третьей» силой, способной повлиять на ход событий в Советском Союзе, и, объединившись в изгнании, завершить процесс освобождения своей страны от коммунизма.

Возникновению антикоммунистических, а в ряде случаев и профашистских настроений в среде русской эмиграции в немалой степени способствовала, помимо политических пристрастий ее представителей, конкретная обстановка, сложившаяся в Аргентине времен президента Хосе Феликса Урибуру (1930—1932) и позднее Хуана Доминго Перона (1946—1955), в Бразилии времен президента Жетулио Варгаса (1930—1945). Их политические режимы базировались на принципах национализма, сильной государственной власти, корпоративизма и антикоммунизма, во многом заимствованных у итальянского фашизма и германского нацизма. К борьбе с «коммунистической опасностью» страны Латинской Америки в тот период подталкивали и США. Небезучастной к этому процессу оказалась Германия, которая в те годы прилагала серьезные усилия с целью экономического проникновения в регион.

Активную антикоммунистическую деятельность осуществляла в 20—30-е годы организация, учрежденная в 1924 г. женеvским адвокатом Теодором Обером и получившая название Международного антикоммунистического соглашения по борьбе с III Интернационалом (Entente Internationale Anticommuniste, EIA), больше известная как «Лига Обера». Русские эмигранты играли в ней не последнюю роль. О деятельности отделов этой организации в Латинской Америке рассказал в своих мемуарах председатель Русской секции Лиги Юрий Ильич Лодыженский³. В разных странах, где проживали русские эмигранты, назначались представители Русской секции (к 1929 г. они имелись в 17 государствах мира, включая Аргентину, Коста-Рику, Парагвай)⁴. Латинской Америке уделялось особое внимание. При этом, как признавал Лодыженский, Бразилия была первой заокеанской страной, с правительственными кругами которой бюро Лиги установило связь при посредничестве ее посла в Берне барона Рио Бранко, он получал в бюро Лиги информационные материалы и антикоммунистические издания и регулярно переправлял все это своему правительству. Дипломат также принимал участие в международных конференциях EIA в Женеве и пользовался каждым приездом своих более или менее видных соотечественников в Швейцарию, чтобы ознакомить их с работой бюро и получить разъяснения по поводу структуры Коминтерна и его организаций в разных странах мира⁵.

Кроме Бразилии бюро Лиги установило контакты с представителями Аргентины (при помощи самой деятельной в те годы антикоммунистической организации в этой стране — Патриотической Лиги Аргентины (Liga Patriótica Argentina, LPA)), Уругвая, Венесуэлы, Парагвая и Чили. Однако, как отмечал Лодыженский, по большей части связь с соответствующими инстанциями этих стран была sporадической и ограничивалась обменом информацией и отправкой изданий EIA, иногда переведившихся на испанский язык. Так, в Аргентине содействие борьбе с коммунистическим влиянием на континенте оказывал капитан I ранга Б.Н.Шуберт. Он переводил на испанский язык издаваемые Лигой Обера брошюры о деятельности Коминтерна и борьбе с ним, которые, в свою очередь, направлял руководителю LPA⁶. Еще одним членом Русского общества друзей Международной лиги борьбы с большевизмом был Павел Гордиенко, участник белого движения, с 1928 г. проживавший в Коста-Рике. По его собственному признанию, он быстро научился говорить по-испански и принялся активно сотрудничать с местной прессой, публикуя на ее страницах «разоблачительные» статьи о работе советского правительства⁷. Одновременно в 30-е годы многие правые в среде русской белой эмиграции начали высказывать симпатии в отношении Германии, с которой связывали надежды на освобождение России от ненавистного им коммунистического режима. В этой связи как положительный момент частью эмиграции рассматривался факт создания Антикоминтерновского пакта в 1936—1937 гг.

Нападение гитлеровской Германии на СССР в июне 1941 г. усилило раскол в среде русской диаспоры латиноамериканских стран, окончательно разделив эмиграцию на «красных» (совпатриотов) и «непримиримых», «оборонцев» и «пораженцев». Георгий Александрович Бенуа, бывший офицер царской армии, активный член РОВС, живший в те годы в Аргентине, вспоминал позднее: «Перед всеми нами — и аргентинцами, и англи-

чанами, и белыми русскими, заброшенными на далекий континент вихрем революций, — стоял один мучительный и неразрешенный вопрос: с кем мы в этой борьбе?»⁸.

На позициях пораженчества в годы войны оказалась значительная часть промонархического лагеря белой эмиграции, православного духовенства, сторонников русского фашизма, представителей техноэлиты, включая молодых русских инженеров, прибывших в 20-е годы из Чехословакии. Однако новое размежевание не всегда совпадало со старым, традиционным для эмигрантов идеологическим расколом на политические группы и движения. Нередко убежденные монархисты и даже представители императорской фамилии становились «оборонцами», а люди вовсе без убеждений — «пораженцами». Пораженцы исходили из наличия у России двух врагов: внешнего в лице Германии, Японии, Польши и других стран, претендовавших на российские территории, и внутреннего — большевистской диктатуры⁹. Действуя по принципу «выбора меньшего из двух зол» и делая ставку на Германию, эта часть эмиграции видела свой патриотический долг в свержении с ее помощью советской власти, «которая оккупировала их страну», и в освобождении России от «антирусского коммунистического Интернационала». Показательна в этом смысле беседа отечественного исследователя Б.Ф.Мартынова с белоэмигрантом А.Г. фон Экштейн-Дмитриевым, описанная в книге ученого «Русский Парагвай». В ходе разговора Экштейн-Дмитриев признался: «Многие у нас радовались нападению Германии, думая, что она несет с собой освобождение от большевизма, и не верили сначала в цели Гитлера в отношении России и славян, видя во всем исключительно коммунистическую или англо-американскую пропаганду»¹⁰.

В Чили борьбу против «лагеря советофилов» вели Союз русских в Чили и Национальный союз участников войны. В других странах это были Русский союз в Парагвае, Русский центр в Рио-де-Жанейро, Хорватский очаг, Словацкий центр, польская организация Пилсудского и др. в Уругвае¹¹.

Вместе с тем накануне и в первые годы войны проявилась новая тенденция, которая заключалась в поиске диалога российской диаспоры с родиной, что способствовало зарождению в ее среде движения в поддержку своего отечества. На этом фоне часть эмиграции первой волны перешла на позиции оборончества, а в ряде случаев и советского патриотизма. Участниками оборонческого движения стали, с одной стороны, представители трудовой эмиграции, симпатизировавшие новой власти в СССР, с другой — часть белой эмиграции, которая, придерживаясь антикоммунистических взглядов, крайне отрицательно отнеслась к нападению Германии на Россию. В самом начале войны проживавший в Аргентине генерал-лейтенант Александр Владимирович фон Шварц — русский военный инженер, крупный специалист в области фортификации, одним из учеников которого был президент Аргентины Хуан Доминго Перон, — заявил о необходимости выступить в столь тяжелый для страны час на стороне СССР. Возглавив патриотическую часть русской колонии в Аргентине, генерал потребовал, чтобы отец Константин Изразцов отслужил молебен о победе Красной Армии над Германией, но священник отказался на том основании, что власть, руководящая этой армией, уничтожает храмы и преследует на родине православную церковь¹². Отец Константин все же отслужил панихиду по погибшим православным русским воинам, а в период кампании Аргентин-

ского Красного Креста по организации помощи русским, находившимся в плену или на оккупированных территориях, призывал всех участвовать в этой акции¹³.

Говоря об оборонческой позиции генерала фон Шварца, следует отметить, что в условиях войны, невзирая на характер власти в СССР, он как офицер выступил в защиту отечества, а как профессиональный военный подверг тщательному анализу тактику боевых действий Красной Армии на Восточном фронте, что нашло отражение в его работах «Нужно хорошо понимать уроки войны» (1941), «Настоящая ценность фортификации», «Сталинград» (1943), «Вторжение в страну и способ не допустить его», «Операции на Дону в 1942 г. и их последствия» (1945). Среди трудов этого военного теоретика, вышедших в 1946 г., — «Возвращение Орловского укрепленного района», «Севастополь в 1941 г.», «Некоторые эпизоды обороны Одессы в 1941 г.» и ряд других специальных работ¹⁴.

Еще один русский эмигрант в Аргентине Павел Шостаковский, до революции служивший военным представителем царской России в Италии, в 1941—1942 гг. организовал издание журнала «Русская земля», в котором рассказывалось об СССР и борьбе Красной Армии на Восточном фронте, и возглавил Славянский союз Аргентины. Аналогичная картина с проявлением патриотической позиции частью белой эмиграции наблюдалась и в соседних странах. Так, в Уругвае Комитет по подготовке конгресса славян Латинской Америки, занимавшийся организацией кампании в поддержку СССР, возглавил бывший капитан русской армии Владимир Евдокимов¹⁵.

Рассматривая позицию Русской зарубежной церкви в годы войны, историк русского зарубежья М. Назаров отмечает, что в ней не могли не найти отражения надежды на антикоммунистическую политику фашистской коалиции¹⁶. Это, в свою очередь, вызывало критику и открытое осуждение не только в среде русской эмиграции, но и в некоторых изданиях местной латиноамериканской печати. В адрес служителей церкви раздавались угрозы, обвинения в измене родине и сочувствии фашизму. В частности, в газете «Русский в Аргентине» в 1942 г. было опубликовано открытое письмо с обвинениями протопресвитера К. Изразцова в предательстве. Автором письма был священник из Бразилии отец Дмитрий Ткаченко, принявший юрисдикцию советского митрополита Вениамина и в ведении которого находился приход церкви в местечке Вила Альпина. Группу противников победы СССР Ткаченко называл в письме «шестствующими позади немецких штыков и строящих свое личное благополучие на успехах давнего врага русского народа»¹⁷.

Публичный ответ Изразцова не заставил себя долго ждать и также официально был опубликован в 1942 г. в виде отдельной брошюры. Изразцов осудил позицию митрополита Сергия и его духовенства, заявивших о лояльности коммунистическому правительству, «несмотря на его принадлежность к III Интернационалу». Он категорически отверг обвинения в свой адрес в «предательстве народу и Родине» на том основании, что сам он «СССР никогда не признавал». Он не признал серьезным и обвинение в том, что Заграничная церковь является нацистской, равно как и утверждение о том, что «ее духовенство служит врагам нашего народа».

Отец Константин отметил при этом, что совпатриоты сами вводят «в заблуждение малосведущих людей, говоря о злоупотреблениях немцев во

время войны и ни слова не упоминая о злодеяниях и зверствах большевиков в продолжении почти четверти века». На обвинения «в политиканстве» К.Израцков ответил, что «борьба с сатаной есть не политика, а служение Богу». Свою позицию священник обосновывал, в частности, тем, что в оккупированных немцами русских губерниях в оскверненных ранее большевиками храмах было восстановлено богослужение, куда «толпами начали приводить уже взрослых детей для крещения, что ранее было запрещено», и что «украинское духовенство благодарило немецкие власти за освобождение от большевистского ига», как и православное духовенство Прибалтийских губерний¹⁸. Понятно, что подобные аргументы против поддержки СССР в условиях фашистской угрозы принимались не всеми.

В декабре 1942 г. в Сантьяго (Чили) сторонники оборонческой позиции в среде русской эмиграции предприняли попытку принудить местного православного священника отслужить панихиду по убитым русским и иноверцам в шедшей войне. С этой целью была образована комиссия из эмигрантов, которые собирали подписи с соответствующими требованиями. После того, как священник отказался, сославшись на то, что без специального разрешения от Владыки нельзя служить панихиду по иноверцам, в знак протеста 27 человек, в числе которых был бывший улан полка Ее Величества С.А.Кушелев, вышли из прихода¹⁹.

В Парагвае, по официальным советским источникам, «патриотический лагерь» сложился в русской и польской (из жителей Западной Украины и Западной Белоруссии) колониях под руководством бывшего генерала Сергея Павловича Бобровского, который занимал после войны пост начальника дорожного департамента и декана инженерного факультета Асунсьонского университета. В эту группу, как отмечалось в официальной «Справке» 1947 г., направленной на имя заведующего латиноамериканским отделом МИД СССР К.Е.Зинченко, входили около 20% (из 120—130 человек) русской белой эмиграции и подавляющее большинство бывших польских граждан²⁰. В числе первых, кто публично выступил в поддержку СССР после нападения Германии, оставаясь при этом на монархических позициях, был генерал Иван Тимофеевич Беляев. Он приветствовал победу Красной Армии и особенно факт ее вступления в Берлин, что, как отмечает Б.Ф.Мартынов, имело особое значение для бывшего царского офицера, которому не удалось под российскими знаменами войти туда в Первую мировую войну²¹.

Как видим, в основе оборонческой позиции этой части эмиграции лежали идеи русского патриотизма, вызванные осознанием угрозы, которую представлял гитлеровский нацизм для независимости нашей страны. Г.Бенуа писал: «Когда к нам пришли фотографии войны, и мы увидели русских офицеров в похожих на наши кителях-рубашках и солдат в гимнастерках с «лычками» на погонах, нашей гордости не было предела»²². О том, что это был русский, а не советский патриотизм, поведал в своей беседе с Б.Ф.Мартыновым и фон Экштейн-Дмитриев, также упомянувший о том, что Сталин «ввел погоны и гвардейские звания, чем воззвал к священным чувствам»²³.

Действительно, когда началась война, Сталин обратился к национально-патриотическим традициям. В результате советская сторона, хотя и опосредованно — через антифашистские комитеты и прежде всего Всеславянский и Еврейский антифашистский комитеты — призвала соотечественников за рубежом поддержать антифашистскую борьбу СССР. Отказавшись

от изоляционизма в международной политике, Сталин противопоставил фашистской тактике геноцида и разобщения народов политику объединения жертв агрессии и сочувствующих им за рубежом — и прежде всего в лице зарубежного славянства. Подобный призыв-обращение из Москвы Всеславянского комитета в 1942 г., как известно, был услышан на латиноамериканском континенте, но получил разную трактовку в эмигрантской среде. Выходившая в Бразилии «Русская газета» писала по этому поводу, что «спасая себя, большевики вспомнили о славянском единстве»²⁴. Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что именно на антифашистской основе произошла консолидация многочисленной славянской диаспоры, сформировавшейся в Аргентине, Парагвае, Уругвае, Бразилии, Чили. На совещании в Совинформбюро в октябре 1941 г. посол СССР в США К.А. Уманский докладывал о том, что в Латинской Америке хорошо ловятся радиопередачи из Москвы²⁵. После того, как в Москве на одном из слетов прозвучала идея объединения славян, по всей Аргентине начали появляться комитеты помощи славянским странам²⁶.

Так, после всеславянского митинга в Москве в Латинской Америке возникли новые славянские объединения, заявившие о своей солидарной позиции на конгрессе, открывшемся 23 апреля 1943 г. в г. Монтевидео и собравшем около 400 делегатов из Аргентины, Бразилии, Уругвая, Чили, Боливии. Центром объединения славян, сочувствовавших СССР, стал Всеславянский координационный комитет во главе с его председателем В.Евдокимовым, который регулярно переписывался с руководством Всеславянского комитета в Москве, информировал его членов о развитии славянского антифашистского движения в латиноамериканских странах²⁷. На антифашистской основе в разные годы были созданы эмигрантские организации поддержки СССР в Уругвае (Русский комитет «За Родину», Всеславянский комитет Уругвая), Чили (Союз русских патриотов, Межславянский комитет Чили), Бразилии (Комитет помощи Стране Советов при Украинско-белорусском культурно-просветительном обществе, Русский комитет помощи жертвам войны в России), Аргентине (Аргентинский славянский комитет, Украинско-демократический комитет помощи Советскому Союзу)²⁸.

Аргентинский «Вестник» писал в те дни, что «агитаторы от Компартии и прокоммунистических газет «Русский в Аргентине», «Свитло» ходили по домам, призывая жертвовать средства на победу. Им помогали также белорусы, поляки, чехи»²⁹. В свою очередь местная коммунистическая газета «El Siglo» организовала в сентябре 1942 г. кампанию подписки на так называемые «красные листы» — своеобразную форму оказания адресной материальной помощи с названиями «Волга», «Кавказ», «Сталинград», «Черное море» и др. Совпатриоты, как замечал «Вестник», не остались безучастными к «красным листам». Так, бывший казачий офицер Иосиф Шевяков, родившийся на Кубани, пришел в редакцию и заявил, что хочет участвовать в помощи своей Родине и попросил лист «Кубанские казаки в память родной земле». Получив лист, И.Шевяков пожертвовал 1 тыс. песо и лекарства (сам он был владельцем аптеки)³⁰.

Достаточно активной в этом смысле была и русская эмиграция в Бразилии³¹. Русская колония Сан-Пауло, по воспоминаниям ее старожила Ильи Федоровича Лихоманова, проживавшего здесь с 1929 г., в большинстве своем оказалась настроена патриотически. Некоторые из тех, у кого были

радиоприемники, по воспоминаниям Лихоманова, по ночам слушали радиопередачи из Москвы, а по утрам делились с соотечественниками новостями, которые долгое время были неутешительными. Но после того, как русская армия перешла в контрнаступление под Сталинградом, местные говорили друг другу: «Знай наших!», «У наших солдат есть еще порох в пороховницах!»³². Лихоманов с женой были сталинградцами, потому к сообщениям о событиях на Сталинградском фронте относились с особым вниманием.

Победа под Сталинградом вызвала среди эмигрантов особый патриотический подъем. В сентябре 1943 г. в Сан-Пауло был создан Русский комитет помощи жертвам войны в России, который все называли «Русским комитетом». О нем подробно рассказал в своих воспоминаниях И.Ф.Лихоманов. Собственно русских в комитете было меньшинство, а сам он состоял из отделов — еврейского, литовского, армянского, латвийского, эстонского и югославского и насчитывал до 1000 человек³³. Председателем Русского комитета был женатый на русской граф Эммануил Павлович Беннигсен — немец по происхождению, православный. Автор воспоминаний характеризовал его как «большого патриота своей Родины — России».

Вице-председателем комитета был профессор Глеб Васильевич Ватагин, который родился в России и был студентом Киевского университета, но на тот момент уже числившийся итальянским подданным, после 1920 г. проживал в Италии. Г.В.Ватагин был ученым с мировым именем, специалистом в области физики космических лучей. В Бразилии он оказался после того, как правительство этой страны обратилось к итальянским властям с просьбой направить к ним авторитетного специалиста-физика для организации в г. Сан-Пауло физического факультета. В Бразилию ученый прибыл за несколько лет до нападения Германии на СССР. За это время он успешно справился с возложенной на него задачей по организации факультета, набрав для работы опытных преподавателей. Целая плеяда бразильских физиков была возвращена Ватагиным, а создать бразильскую научную школу удалось благодаря тому, что он приглашал для преподавания на факультете известных ученых со всего мира³⁴.

Сразу после начала войны Ватагин вошел в группу, которая тайно собирала в Сан-Пауло пожертвования в пользу пострадавшего от агрессии советского населения, а после образования Русского комитета принял на себя обязанности его вице-председателя. Важен еще один факт из биографии профессора Ватагина, о котором упоминается в официальном отчете в МИД СССР советского посла в Бразилии Я.Сурица. Он, в частности, сообщал, что среди 3 тыс. писем, оставленных без ответа и которые ему пришлось разбирать при вступлении в новую должность, оказалось письмо профессора Ватагина, который во время войны предлагал свою помощь СССР и просил разрешения на въезд в страну. Однако его письмо, как отмечал советский посол, «наряду с тысячами других, не удостоилось ответа»³⁵. В 1949 г. Ватагин вернулся в Италию и стал профессором Туринского университета, организатором Института физики космических лучей*.

* О деятельности Г.В.Ватагина в Бразилии подробно пишет в этом номере Г.П.Пепеляк в статье «Русский след в атомной программе Бразилии».

Кроме Ватагина в руководство Русского комитета входили профессор В.Н.Сахаров, князь А.Б.Голицын, В.А.Остолопов, И.Ф.Лихоманов, Г.В.Сакун. Одним из организаторов и активным участником деятельности Русского комитета был Борис Иванович Солодовников, до революции — член левоэсеровской партии, накануне Февральской революции — поручик Российской императорской армии, во времена Керенского — помощник коменданта Петрограда³⁶. Содействие комитету оказывали также проживавшие в Сан-Пауло православные сирийцы. Пожертвования от них поступали наличными и товарами. По словам Лихоманова, их помощь стала еще активнее после Сталинградской битвы. Комитет покупал на их деньги необходимые вещи и в отсутствие дипломатических отношений между СССР и Бразилией отправлял их в СССР через советское посольство в Буэнос-Айресе. Всего в 1944 г. Русский комитет помощи жертвам войны передал в фонд помощи СССР около 968 тыс. крузейро и отправил 21 контейнер с теплой одеждой и медикаментами. В 1945 г. было отправлено уже 48 контейнеров³⁷. Большую инициативу по сбору средств и отправке помощи в Россию проявил бразильский Красный Крест, в деятельности которого русские эмигранты также принимали участие.

По сведениям советских дипломатических источников, во время войны многие эмигранты, проживавшие в Аргентине, Бразилии, Уругвае — странах, которые не имели дипломатических отношений с СССР, — подавали в советское посольство в США заявления с просьбами об отправке их на фронт. Некоторые вступали в польскую армию с намерением в дальнейшем перейти в Красную Армию. По данным украинского историка А.А.Стрелко, в ноябре 1942 г. состоялась отправка в Великобританию добровольцев из числа российских иммигрантов, в том числе более 1 тыс. чел. — из Аргентины, 580 — из Бразилии, 106 — из Уругвая, 20 — из Чили и Парагвая³⁸.

Реакция «пораженцев» на добровольческое движение в эмигрантской среде нашла отражение на страницах выходившей в Буэнос-Айресе газеты «Вестник». В статье с характерным названием «Каиново дело» газета сообщила об отправке из страны английского парохода, на борту которого находились до 300 русских добровольцев, «сбитых с толку коммунистической пропагандой». По данным газеты, это была уже тринадцатая партия, и к октябрю 1942 г. общее число эмигрантов-добровольцев из Аргентины составило около 1,5 тыс. чел., отправленных на линию фронта в Африке. Газета с осуждением заключала по данному поводу: «Этих людей советская власть 25 лет назад выгнала, а они все же готовы умирать за нее»³⁹.

Следует сказать и об откликах в латиноамериканских странах на окончание войны, что также нашло отражение на страницах эмигрантской периодической печати. Так, по сообщению газеты «Русский в Аргентине», симпатизировавшей СССР, в Чили вступление Красной Армии в Берлин было отмечено 3 мая грандиозным шествием по улицам г. Сантьяго многотысячной толпы с участием представителей иностранных держав, включая СССР. Самых громких оваций, как отмечалось, во время шествия удостоилась русская группа. Впереди шли школьники, несущие большие красные плакаты, на которых золотом были выгравированы серп и молот. За школьниками шествовали представители организации «Русские патриоты в Чили», возглавляемая ее бывшим председателем А.Г.Трахтенбергом и новоизбранным А.Л.Львовым,

которые несли два больших флага, — советский и чилийский. На площади участники шествия подожгли чучела Гитлера и Муссолини⁴⁰.

В статье «День взятия Берлина в Монтевидео» та же газета сообщала, что 2 мая в 5 часов вечера под вой сирен громкоговорители оповестили жителей уругвайской столицы о взятии советскими войсками Берлина. Здания в эти дни были украшены флагами союзных наций, громкоговорители передавали национальные гимны, на Площади Независимости состоялся митинг, во время которого к присутствующим с балкона Дворца правительства обратились послы США, Англии, Франции, СССР и представитель МИД Уругвая. Перед выступлением каждого исполнялся гимн соответствующей страны.

Но вместе с тем, как отмечалось в прессе, было немало попыток «праздновать падение Берлина, обходя молчанием тех, кто его взял, и возвеличить тех, кто его не брал»⁴¹. Просоветски настроенные русские эмигранты обращали внимание на то, что роль СССР в разгроме гитлеровской Германии замалчивалась. В опубликованном на страницах газеты «Русский в Аргентине» письме эмигранта из Парагвая с возмущением сообщалось о том, что в южноамериканских странах по радио много говорили «об упорстве союзников, о дружественности американских стран», вспоминали и своих национальных героев, но «о России при этом совсем не упоминали», будто она, как сетовал автор, «не причем». Логика рассуждений при этом сводилась к тому, что «Россия не сделала ничего особенного»: «при такой численности населения победить немцев было несложно, удивительной же была бесталанность русских офицеров, подпустивших врага к Сталинграду». Общий вывод автора письма был таков: США и их союзники в Латинской Америке хотят умалить роль России в победе⁴². В письме рассказывалось еще об одном интересном обстоятельстве: в одной из южноамериканских столиц некий богатый местный коммерсант, «которого нельзя было заподозрить в коммунизме», по случаю падения Берлина вывесил на здании своего предприятия союзные флаги, поместив в центре советский. Полиция немедленно заставила хозяина снять с фасада здания советский флаг и конфисковала его. В заключительной части письма говорилось, что «тайные и явные враги стараются напрасно: все народы мира знают, чье знамя развевается над победенным Берлином и под чьим знаменем войдет в историю 1945 г.»⁴³.

Таким образом, в годы Второй мировой и особенно советско-германской войны возникла ситуация, которая поставила русскую эмиграцию перед непростым выбором и привнесла перемены в поведении и психологии «зарубежной России». Г.Бенуа писал: «День 22 июня сделал то, чего не смогли сделать десятилетия. В этот день четко определилась позиция русских эмигрантов. Началась переоценка ценностей, которая в корне изменяла психологию самых непримиримых противников советского строя»⁴⁴. В результате часть «русского мира», оказавшегося за рубежом, исходя прежде всего из собственных политических убеждений, сделала свой нравственный выбор в пользу Германии как «будущего спасителя России от большевизма». Другая часть представителей русской диаспоры выступила на позициях советского патриотизма, признав советскую власть «своей». Но была еще одна группа «оборонцев», которая продолжала стоять на позициях антикоммунизма, но одновременно не могла не видеть в СССР полюс противодействия силам агрессии и зла и потому поддержала справед-

ливую борьбу своего народа против фашизма. Этому способствовали и перемены в ситуации накануне и в начале войны, когда смягчились первоначальные резкие противоречия части российской эмиграции и советской власти, в результате чего начался поиск диалога «диаспоры» и «Родины».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А.В. О к о р о к о в. Знаки русской эмиграции 1920–1990. М., 2005, с. 55, 106, 141–142. Начальником Южно-Американского отдела РОВС, созданного в мае 1930 г., был генерал-майор Н.Ф.Эрн, проживавший в Парагвае. 8 октября 1931 г. было основано отделение РОВС в Аргентине (председатель — полковник А.Н.Ефремов), к которому примыкали такие общества, как «Русский очаг» (председатель — Н.Дахин), «Русский сокол» (руководитель — В.В.Зуев), «Кают-компания офицеров императорского флота» (куда входили морские офицеры царской и белой армий — Л.С.Быстроумов, Б.К.Шуберт, Б.К.Кравченко и др.), Общество галлиполийцев (секретарь — инженер Н.Запорожцев). В 1932 г. в г.Сан-Пауло было образовано Бразильское отделение РОВС во главе с генерал-майором Л.Ивановым, основой которого стал учрежденный в 1925 г. Союз русских воинов в Бразилии. Русский офицерский союз со штаб-квартирой в г. Санта-Катарине объединял белых офицеров, входивших в состав РОВС в Южной Америке (председатель — ротмистр С.В.Голубинцев). В 1930 г. в Уругвае был создан Союз русских комбатантов под председательством капитана, профессора Г.А.Мацылева, который стал основой отделения РОВС в этой стране.

² Всероссийская фашистская организация. Бразильский сектор. Второе публичное заседание русских фашистов. Сан-Пауло, 22 апреля 1934 г. Сан-Пауло, 1934. После образования Русской фашистской партии К.В.Родзаевского в 1931 г. ее отделы и ячейки появились в Бразилии, Аргентине, Парагвае, Чили. После создания в 1933 г. в США Всероссийской фашистской организации (ВФО) во главе с А.А.Вонсяцким возникли Бразильский сектор ВФО (начальник штаба — полковник А.В.Кушелевский), Казачий отдел сектора во главе с генерал-майором И.Д.Павличенко, группа Бразильского сектора ВФО в г.Рио-де-Жанейро во главе с князем Л.С.Святополк-Мирским. «Очаги» Бразильского сектора ВФО были созданы также в Аргентине и Уругвае.

³ Ю.И.Л о д ы ж е н с к и й. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М., 2007. Личным секретарем Ю.И.Лодыженского был молодой князь Константин Горчаков, которому было поручено руководство антикоммунистическими выставками. Впоследствии, покинув бюро Лиги Обера, он работал в банках Женевы, Лондона, США и блестяще завершил свою финансовую карьеру в качестве директора большого банка в Монтвидео.

⁴ О.К.А н т р о п о в. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921—1939 гг.). Астрахань, 2008, с. 250—251.

⁵ Ю.И. Л о д ы ж е н с к и й. Указ. соч., с. 316. Воспользовавшись одной из своих поездок в Бразилию, как пишет Ю.И.Лодыженский, Рио Бранко повез туда подробный доклад правительству «о международной подрывной деятельности советского правительства и Коминтерна», лично передал этот доклад президенту республики и министру иностранных дел и добился от них денежной субсидии для бюро. Так как осведомительная деятельность входила главным образом в обязанность консульств, то и генеральный консул Бразилии в Женеве Карвальо де Суза также установил постоянную связь с бюро ЕИА и пользовался ее информацией.

⁶ Библиотека-Фонд «Русское зарубежье» (БФ РЗ), ф. 2, оп. 1, картон № 6, д. 66, л. 6.

⁷ Там же. д.37, л.5 (об).

⁸ Г.Б е н у а. Сорок три года в разлуке. Воспоминания. — Простор. Алма-Ата, 1967, № 10, с. 94.

⁹ Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004, с.12.

¹⁰ Б.Ф. М а р т ы н о в. Русский Парагвай: Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М., 2006, с.191.

¹¹ Славяне. 1950, № 9, с. 27.

¹² Г. Б е н у а. Указ. соч. — Простор. Алма-Ата, 1967, № 10, с. 94.

¹³ Вестник. Буэнос-Айрес. 2.III. 1942 г.

- ¹⁴ Генерал-лейтенант А.В. фон Шварц. Рассказы о жизни за границей. — <http://xxl3.ru/kadeti/shwarts.htm>
- ¹⁵ А.И.С и з о н е н к о, Н.А.П а н к о в. Наши соотечественники в Латинской Америке. М., 2002, с. 30.
- ¹⁶ М.Н а з а р о в. Миссия русской эмиграции. 2-е изд. М., 1994, т. 1, с. 263.
- ¹⁷ Русский в Аргентине. Буэнос-Айрес. № 618. 1942 .
- ¹⁸ Протопресвитер К.Изразцов. Ответ священнику Д.Ткаченко, принявшему юрисдикцию советского митрополита Вениамина. Сан-Пауло. Бразилия. Буэнос-Айрес. 1942 (август), с. 11, 18, 23—26.
- ¹⁹ Вестник. Буэнос-Айрес. 3.IV. 1943.
- ²⁰ АВП РФ, ф.070, оп.15, папка № 104, д.25, л. 24.
- ²¹ Б.Ф. М а р т ы н о в. Указ. соч., с. 193.
- ²² Г.Б е н у а Указ.соч. — Простор. Алма-Ата, 1967, №12, с. 66.
- ²³ Б.Ф. М а р т ы н о в. Указ. соч., с. 192.
- ²⁴ ГА РФ, ф. 6646, оп. 1, д. 86, л. 2.
- ²⁵ ГА РФ, ф.8581, оп.1, д.1, л. 15.
- ²⁶ П. Ш о с т а к о в с к и й. Путь к правде. Минск, 1964, с.341.
- ²⁷ ГА РФ, ф. 6646, оп. 1, д.49, л.25.
- ²⁸ ГА РФ, ф. 6646, оп. 1, д.3, кн.3, л.337; д.16, л.41—123; Славяне, 1943, №2, с.43; Там же. №5, с.47—48; Там же. №12, с. 37.
- ²⁹ Вестник. Буэнос-Айрес. 17.X.1942.
- ³⁰ Там же. 31.X.1942.
- ³¹ А.А.Х и с а м у т д и н о в. Русские в Бразилии — Латинская Америка. 2005. № 9 — <http://www.ilaran.ru/?n=122>
- ³² И.Ф.Л и х о м а н о в. Мои воспоминания (машинописная рукопись). — Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (БФ РЗ), ф. 1. М-237, оп. 1, кн. 4, л. 1314.
- ³³ Там же, л. 1418.
- ³⁴ Там же, л. 1292—1294.
- ³⁵ АВП РФ, ф. 076, оп. 9а, папка № 105, д. 3, л.5—7.
- ³⁶ И.Ф. Л и х о м а н о в. Указ. соч., л. 1413—1416. Советское руководство, положительно оценив деятельность членов Русского комитета в годы войны, разрешило некоторым из них вернуться на родину. Известно, что такое предложение было сделано И.Ф.Лихоманову, Г.В.Сакуну и даже князю А.Б.Голицыну (которому через семь месяцев — в кратчайшие по тем временам сроки — пришел не только положительный ответ, но и советский паспорт, хотя его родиной была Швейцария, где когда-то работал его отец по дипломатической линии). Из всех троих только Г.В.Саун воспользовался этим правом, но поселиться реэмигранту было разрешено в Туркмении, несмотря на высказанное им желание переехать в Москву. Сам И.Ф.Лихоманов, отказавшись от идеи возвращения, тем не менее продолжал поддерживать связи с представителями советского посольства, ВОКСа, а в начале 1960-х годов по приглашению советской стороны совершил поездку в СССР.
- ³⁷ А.А. С т р е л к о. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980, с. 58.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Вестник. Буэнос-Айрес. 17.X.1942 .
- ⁴⁰ Русский в Аргентине. Буэнос-Айрес. 12.V.1945.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Г.Б е н у а. Указ. соч. — Простор, № 10, с. 94.